

И. В. Петров

Политические настроения православного духовенства Крыма в период нацистской оккупации

Православное духовенство Тавриды за весь период российского владычества над полуостровом всегда стояло на страже интересов империи, проводило миссионерскую работу среди местного татарского населения, помогало в поднятии патриотического духа в годы Крымской и Первой мировой войн, не осталось в стороне от поддержки антибольшевистских сил в период Гражданской войны¹. Однако в межвоенное лихолетье Крым, как и вся территория Советского Союза, стал ареной жестких антирелигиозных гонений, связанных в первую очередь с вполне определенной линией церковно-государственных отношений, согласно которой церковь де-юре отделяется от государства, но де-факто становится орудием его политики. Обновленческий раскол и автокефалистские разделения привели к тому, что к июню 1941 г. в Симферополе действовала только одна православная церковь на местном кладбище². Нацистская оккупация Крыма вкупе с участием в ней войск союзной Рейху Румынии, активно поддерживавшей религиозное возрождение под эгидой Румынской православной церкви на оккупированных территориях СССР, привела к существенному расцвету приходской жизни региона. Служившее в годы войны духовенство Крыма, большая часть которого вернулась к пастырским обязанностям

***Петров Иван
Васильевич***

канд. ист. наук, асс.,
Санкт-Петербургский
государственный
университет
(Санкт-Петербург,
Россия)

с приходом немцев, очень быстро воспрянуло в связи с изменившимися обстоятельствами. Многие проблемы, такие как указанные выше обновленческий раскол и автокефалистские тенденции, на время были забыты, поскольку одной общей целью стало воссоздание нормально функционирующей приходской системы, уничтоженной большевиками. Однако не стоит забывать, что религиозное возрождение проходило «под немцами», чьи задачи расходились с идеями восстановления Православной церкви в тех границах, в которых она находилась до захвата власти большевиками. Возникла проблема сотрудничества, участия некоторых православных священников в агитационных и пропагандистских кампаниях нацистов, их связи с органами германской СД. Безусловно, коллаборационизм в каждом конкретном случае имел особые очертания. В той или иной степени с немцами сотрудничали все священники, просто соприкасаясь с немецкой и русской гражданской администрациями. Другой вопрос, что палитра этого сотрудничества была очень разной: от слепого выполнения решений оккупационных властей и выявления советских патриотов до поддержки антигерманского подполья и спасения еврейского населения в период Шоа. В целом в вопросе отношения к установившемуся оккупационному режиму всех священников можно разделить на три большие группы:

1) активные сторонники оккупационного режима, поддерживавшие новую власть и ориентировавшиеся на ее укрепление (некоторые представители этой группы стали членами гражданской администрации полуострова);

2) открытые и скрытые борцы с оккупационным режимом, противники немцев, представители просоветского подполья, оказывавшие помощь местному еврейскому населению (группа, подвергавшаяся репрессиям со стороны нацистов);

3) все остальные представители духовенства, его основной костяк, с одной стороны, сохранявшие видимость лояльности к новым властям, но с другой — не участвовавшие в скрытой поддержке сторонников советской власти.

Рассмотрим каждую группу отдельно, обратившись к биографиям наиболее видных ее представителей.

К *первой группе* православного духовенства можно отнести тех пастырей, которые вошли в местные органы управления религиозной жизнью (и даже возглавили их), сотрудничали с СД, активно участвовали в немецкой пропагандистской кампании среди местного населения. Многие священники из этой группы были арестованы с приходом на полуостров Красной армии и органов СМЕРШ и впоследствии репрессированы, в связи с чем протоколы их допросов стали важнейшим источником по восстановлению истории жизни православного Крыма периода немецкой оккупации.

Самым ярким представителем первой группы был священник Евгений Ковальский. Отец Евгений, будучи уроженцем Каменец-Подольского, переехал в Крым только в 1917 г. в возрасте 47 лет. До этого он успел послужить в Русской императорской армии, был вольнослушателем Московского университета. В межвоенный период Ковальский гармонично совмещал служение Богу с гражданской работой бухгалтера и казначея в Таврическом университете.

В 1920–1930-е гг. священника несколько раз арестовывали и даже высылали за пределы Крыма в Мелитополь, где он вновь был вынужден работать по гражданским специальностям. Однако в 1941 г. Ковальский вернулся в Симферополь и с приходом немцев устроился певчим в кладбищенской церкви³. В новый 1942 г. он вступил уже как настоятель этой церкви, заменив арестованного немцами за поддержку советского подполья священника Николая Швеца (о нем скажем ниже)⁴.

В 1942 г. отец Евгений несколько раз заходил к главе церковного подотдела городской управы Симферополя Александру Дмитриевичу Семенову с просьбой о назначении на собственный приход. И Семенов, и отец Евгений Ковальский придерживались антисоветских воззрений (оба пострадали в довоенный период от сталинских репрессий и с надеждой отнеслись к возможности восстановления приходской жизни на полуострове). Более того, установив тесные взаимоотношения с Семеновым, отец Евгений выполнял впоследствии важную работу по восстановлению канонической структуры функционирования приходов в Таврии. Вместе с главой церковного подотдела он был горячим сторонником подчинения крымского духовенства Русской православной церкви за границей (далее — РПЦЗ) в лице митрополита Германского и Берлинского Серафима (Ляде). Ковальский неоднократно общался с представителем берлинских церковных властей, который инкогнито прибыл в Крым в годы оккупации под видом журналиста⁵. Самым достойным кандидатом на Крымскую кафедру Александр Семенов и Евгений Ковальский видели епископа Венского, vicария Берлинской епархии Василия (Павловского), которого Семенов знал еще по семинарской скамье⁶. Однако надежда на назначение в Крым представителя епископата РПЦЗ отпала (исключительно из-за жесткой позиции гитлеровцев).

До этого Ковальский ездил к представителю Украинской православной церкви (далее — УПЦ) епископу Мелитопольскому Серафиму (Кушнеруку), управлявшему впоследствии и крымскими православными приходами⁷. Важно и то, что у отца Евгения был конфликт с другим видным пронемецки настроенным священником — настоятелем греческой Свято-Троицкой церкви Симферополя протоиереем Митрофаном Василькиоти, которому на момент начала оккупации исполнилось 95 лет. Последний обвинял Ковальского в обновленчестве, что было правдой; в результате отец Евгений отправился в Мелитополь для разрешения проблем с каноничностью собственного служения⁸. В показаниях арестованных деятелей управления жизнью «православного Крыма» в период войны и свидетелей по делу отец Митрофан предстает как яро пронемецки настроенный священник. Этому может быть два объяснения: к моменту освобождения Крыма от нацистов Василькиоти эвакуировался вглубь Германии и был вне поля зрения советских специальных органов — или же он был столь консервативен, что полностью поддерживал начинания оккупационной администрации.

Советские власти обвиняли Ковальского в беспрекословном подчинении воле нацистской администрации, пронацистской проповеднической деятельности, организации сбора вещей для раненых солдат вермахта, а также в доносах на собратьев в рясе⁹. Однако на деле, что подтверждено показаниями

живших под оккупацией мирян, отец Евгений не развернул в своем храме широкой пронемецкой проповеднической деятельности; масштабы сбора средств на нужды оккупантов и коллаборационистов также были сильно преувеличены¹⁰. Не участвовал он и в доносах на священников и активных мирян. Исключением можно считать составление по просьбе А. Д. Семенова информационного материала для органов СД о епископе Викентии (Никипорчике), деятельность которого по руководству православными приходами Крыма и Семенов, и Ковальский хотели дезавуировать¹¹.

О значимости отца Евгения и его влиянии на местных православных свидетелствует его назначение в начале 1944 г. на пост председателя Благочинного совета православных церквей Крыма. Совет заменил церковный подотдел при управе в решающий период войны, и на должности председателя отцу Евгению пришлось разрешать многие важные проблемы, в первую очередь обусловленные неопределенностью будущего положения православия на полуострове¹². На этом посту он встретил освобождение Крыма от нацистов и последовавший арест советскими специальными органами.

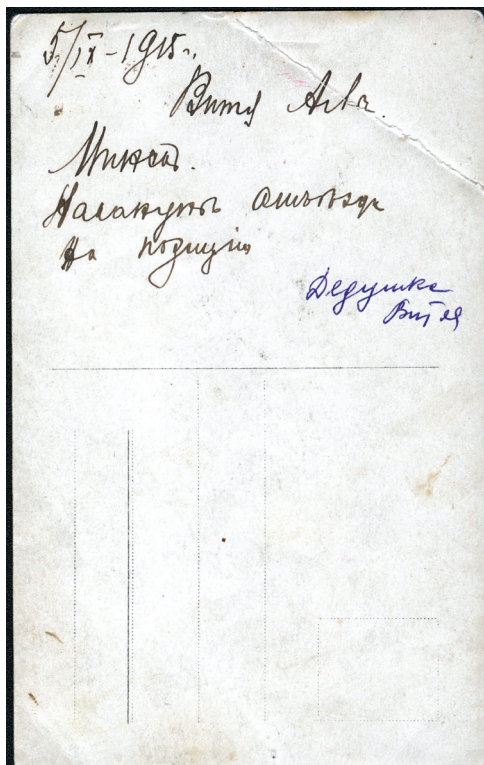
В сотрудничестве с немецкими карательными службами обвинялся и священник из Севастополя Стефан Никитич Желтиков, 1892 г. р. Выходец из семьи крестьян-середняков, в детстве рано потерявший отца и обучавшийся в Киевском духовном училище с 1904 по 1910 г., на территории Киевской губернии в дореволюционный период Желтиков успел побывать и рабочим, и учителем, после чего уже в начале 1920-х гг. начал священнослужение в селе Пятигорка на Киевщине. В 1920–1930-е гг. отец Стефан существенно увеличил географию мест своего пребывания в Советском Союзе. Так, он успел послужить и на сельских приходах поблизости от Калуги, в Подольске, в эпоху же усиления гонений на Православную церковь оказался в Ленинграде, где проработал шесть лет рабочим на заводе «Электросила». Однако в 1935 г. Стефан Никитич получил инвалидность II группы, в связи с чем его дальнейшая работа на заводе уже не представлялась возможной¹³. С 1936 по 1939 г., если верить его показаниям советским следователям, Желтиков занимался спекуляцией в городе трех революций, вследствие чего в 1939 г. был арестован и по решению тройки НКВД осужден по ст. 107 УК РСФСР на ссылку в Восточный Казахстан. В 1941 г. Стефан Желтиков вернулся в Ленинград, но скоро переехал в Малоярославец, где получил работу сторожа в артели инвалидов. Однако, как следует из показаний, из-за сложной переносимости северного климата он вновь сменил место постоянного пребывания и стал чернорабочим в одной из артелей Мелитополя¹⁴. Не желая долго оставаться и в этом городе, он очень скоро переехал в Джанкой, где встретил нацистскую оккупацию. Подобно многим ранее не имевшим возможности служения православным пастырям, с приходом немцев Желтиков вернулся к обязанностям священника в местной джанкойской православной церкви¹⁵. Однако уже к концу 1942 г. отец Стефан вступил в конфликт с местной гражданской администрацией и был отправлен на служение в небольшой сельский приход. Более того, в 1943 г. Желтиков был арестован немцами, отказываясь идти на прямое сотрудничество. После этого судьба забросила священника в Севастополь, где он получил назначение в Покровский собор,

настоятелем которого он являлся до 17 августа 1944 г. (день ареста Желтикова советскими карательными органами)¹⁶.

Обвинения против Желтикова были самыми распространенными среди вменяемых советскими органами православному духовенству: участие в пропагандистских кампаниях немцев, агитация в поддержку оккупационной власти, работа на органы СД¹⁷. Один из допрошенных по делу Желтикова свидетелей прямо заявлял, что во время проповедей в севастопольском соборе священник позволял себе антисемитские выпады, ратовал за скорейшую победу вермахта над Красной армией и называл величайшей трагедией возможность скорейшего возвращения большевистских властей. В частности, Желтиков позволял себе следующие высказывания на проповедях: «Благодарите Гитлера, что освободил нас от большевистской тирании»¹⁸. Еще один характерный пример: после смерти болгарского царя Бориса III по просьбе капитана болгарского судна «Бургас» отец Стефан выступил с проповедью, в которой восхвалял монарха, а также предостерегал местное население от просоветских настроений в связи с успехами Советов¹⁹. Однако даже самые жесткие его критики из среды местного населения подмечали, что священник в критической оценке большевистской власти всегда ссылался на собственный опыт «общения» с ней, например, рассказывал, как советские следователи сломали ему два ребра²⁰.

К первой группе священников, помимо вышеупомянутых пастырей (Ковальского, Желтикова и Василькиоти), можно отнести следующих представителей крымского духовенства: священника Казанской церкви Феодосии Павла Боброва, священника Афанасьевской церкви Керчи Николая Попова, священников Анатолия Горбачева, Захара Слюсарева и др.²¹ В большинстве своем они занимали должности благочинных, в связи с чем имели контакты с немецкими органами, в том числе СД, и в разной степени проводили антисоветскую агитацию. Пастыри активно сотрудничали с редакцией издававшейся под оккупацией газеты «Голос Крыма», выступали по радио, участвовали в пропагандистских акциях германцев²². Однако подобная позиция была обусловлена в первую очередь их собственным опытом или же негативной оценкой гонений на церковь в Советском Союзе. Некоторые из них после войны продолжили служение в Крыму. Так, священник Антоний Горбачев, сын которого погиб на фронте в 1941 г., с 1945 по 1951 г. сменил шесть приходов и даже на время покидал пределы Крыма²³. В показаниях же арестованных священников на него было досье с серьезными обвинениями, в том числе в молебнах в Сарабузе за победу нацистов²⁴.

Перейдем ко второй группе священников, в которую входили противники нацизма и скрытые сторонники советских властей. Самым ярким представителем этой части православного духовенства Крымского полуострова стал обновленческий епископ Викентий (Никипорчик), личность сколь известная, столь и противоречивая, о которой мы уже частично рассказывали ранее²⁵. Наиболее подробная довоенная биография владыки Викентия, в миру Викентьевича Никипорчика, представлена в работе известного современного специалиста по истории обновленчества священника Валерия Лавринова²⁶. В одной из своих последних работ он отмечает, что Никипорчик родился

В. В. Никипорчик накануне отъезда на позиции (1915 г.). Лицевая и оборотная стороны фотокарточки. Фотография предоставлена М. Г. Литмановичем

в середине ноября 1888 г. в местечке Кракиново Поневежского уезда Ковенской губернии и происходил из крестьян. В 1914 г. его призвали на военную службу, после чего в феврале 1915 г. Никипорчик закончил ускоренный четырехмесячный курс Виленского военного училища и был произведен в прапорщики. В Русской императорской армии Викентий Викентьевич дослужился до штабс-капитана, впоследствии принял большевистскую власть и служил в Красной армии инструктором, а затем командиром саперной роты. В 1918–1919 гг. Никипорчик совмещал военную службу с посещением Московской духовной академии в качестве вольнослушателя. С сентября по декабрь 1920 г. он был арестован за контрреволюционную деятельность, в 1922 г. демобилизовался и в том же году перешел в обновленческий раскол. Очень скоро он был рукоположен в иерея и начал служить в церкви города Кунгура, совмещая пастырское окормление прихода с должностью уполномоченного Высшего церковного управления (далее — ВЦУ) по Кунгурскому уезду. Через некоторое время Никипорчик стал ключарем Преображенского собора Перми (уже в сане протоиерея). В 1923 г., спустя год после демобилизации, Никипорчик уже епископ Осинский, викарий Пермской епархии. Однако вскоре он встретил противодействие со стороны Пермского епархиального обновленческого управления

и был отправлен за штат (по данным Лавринова, епископская хиротония тогда так и не состоялась)²⁷.

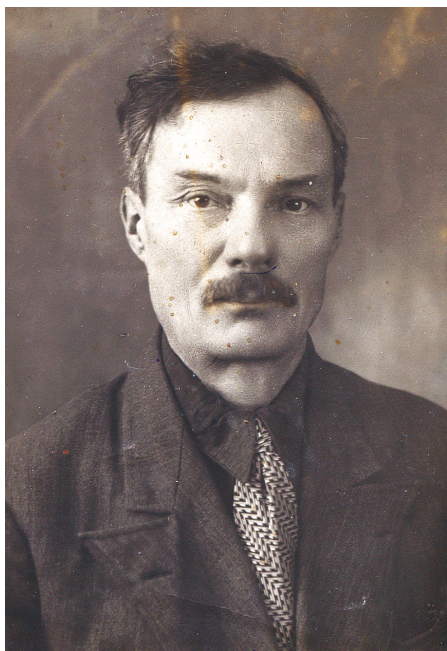
В 1924 г. «епископ» отправился служить в симферопольский Петропавловский собор и стал уполномоченным Таврического епархиального управления по Ялтинскому району.

В 1930 г. Никипорчик был хиротонисан во епископа Нижнеломовского, викария Пензенской епархии. Позже обновленческий архиерей последовательно занимает Белгородскую и Острогжскую епархии, но служение здесь закончилось лишением сана сроком на два месяца и позднейшей отправкой в сельский приход Владимирской епархии. В период 1935–1937 гг. видный обновленец успел сменить приходы в Чувашской и Ивановской епархиях на скромную должность кладовщика швейной мастерской в Симферополе. В 1938 г. Никипорчик вновь ненадолго арестован, но в 1939 г. вышел на свободу, а к священнослужению вернулся только с приходом нацистов.

Местом служения «епископа» Викентия (Никипорчика) стал храм Константина и Елены в Симферополе. Юрисдикционной принадлежности деятельный обновленец не сменил (немцы с большой долей лояльности относились к обновленческому духовенству, что особенно видно на примере оккупации территории современных Ставропольского и Краснодарского краев)²⁸. Более того, практически с самого начала оккупации, что следует из показаний упомянутого выше Семенова советским карательным органам, Никипорчик заявил о своих притязаниях на то, чтобы возглавить Крымскую кафедру²⁹. Молва обвиняла «епископа» Викентия во многих грехах: именно ему приписывали интриги против обновленческого священноначалия в 1930-е гг., в частности против обновленческого Крымского митрополита Иосифа (Кречетовича)³⁰; его же обвиняли в потворстве в закрытии Ялтинского собора в период, когда он был уполномоченным обновленческого ВЦУ; распространялись слухи и о его

В. В. Никипорчик накануне отъезда на позиции (1915 г.). Фотография предоставлена М. Г. Литмановичем

В. В. Никипорчик в старости.
 Фотография предоставлена
 М. Г. Литмановичем

любвеобильности. Большинству местных священников и мирян не нравилось то, что владыка Викентий может возглавить православные приходы Тавриды. На территории современных Ставропольского и Краснодарского краев, а также Ростовской области обновленческие иерархи одержали своеобразную победу над сергианами, но в Крыму подобного не случилось. Определенную роль в этом сыграл священник Евгений Ковальский: он составил на обновленческого архиерея «характеристику» для органов СД, в которой отметил наиболее вопиющие эпизоды биографии последнего³¹.

Неясно также, почему епископ Викентий спас евреев от неминуемой расправы. Можно привести три наиболее вероятных побудительных мотива. Первый из них самый очевидный: христианское милосердие по отношению к обреченным жертвам. Второй (о нем мы уже писали в статье, посвященной биографии видного обновленца) —

финансовый: бывший глава местной русской администрации Симферополя Л. С. Севастьянов свидетельствовал на допросе о взимаемой плате за тайное крещение³². Третий мотив — сугубо личный. Дело в том, что дочь обновленческого епископа была замужем за этническим евреем Лазарем Моисеевичем Лехно и у владыки остался на попечении шестилетний внук Эммануил. По мнению крымских историков Б. Г. Берлина и М. Н. Шульженко, мальчик был уничтожен немцами в годы оккупации³³. Возможно, исходя из опыта собственной семьи, епископ Викентий и стал оказывать помощь обреченным евреям, выдавая им справки о крещении. После ареста в октябре 1942 г. епископу разрешили покинуть территорию Крыма и переехать на служение в Мелитополь. Но и там или в связи с антинацистскими проповедями, или же из-за притязаний на епископское управление он снова был арестован нацистами и к семье больше не вернулся.

В статье Б. Г. Берлина и М. Н. Шульженко, посвященной практике спасения крымских евреев православными священниками в годы нацистской оккупации, воспроизведена биография и второго активного противника «нового порядка» на полуострове — священника храма Всех Святых Николая Швеца³⁴. Николай Федорович Швец родился в 1878 г. на Полтавщине и происходил из крестьянской семьи. В самом начале XX в. он закончил Полтавскую духовную семинарию и получил назначение на должность надзирателя и учителя чистописания в Симферополь, в местную духовную семинарию. В 1904 г. Швец стал священ-

ником и занимал самые различные должности в Таврической епархии: от заведывания церковно-приходской школой до участия в работе комитета по строительству учебного корпуса и больницы Симферопольского духовного училища. С 1904 по 1925 г. отец Николай не менял место служения и оставался клириком Всехсвятской церкви³⁵. В том же храме он служил после прихода немцев.

Четкая антинацистская и просоветская позиция проявлялась у священника Николая Швеца еще сильнее, чем у владыки Викентия (Никипорчика), причем выражалась она не только в противодействии истреблению еврейского населения, но и в саботаже многих распоряжений как немецкой оккупационной администрации, так и местных органов власти. Приведем несколько примеров. Б. Г. Берлин и М. Н. Шульженко достаточно безапелляционно подчеркивают отрицательное отношение священника к изданию православного календаря на 1942 г.³⁶ Однако в своих показаниях упомянутый выше Семенов подчеркнул, что отказ Швеца мотивировал не какими-то политическими мотивами, а отсутствием у него 10 тыс. руб., которые просили (не требовали) глава подотдела и бывшей преподаватель симферопольской вечерней школы Г. М. Орлов³⁷. Довольно взвешенным было отношение Семенова и к политике Швеца в вопросе крещения еврейского населения: он не высказывал в личном разговоре отрицательного отношения к попыткам Швеца спасти евреев от неминуемой расправы, однако же призывал к более тщательному подходу к делу крещения с чисто канонической стороны³⁸. Из материалов советских допросов складывается впечатление об уважительном отношении арестованных к отцу Николаю Швецу, в особенности на контрасте с оценкой деятельности епископа Викентия³⁹. Подозрение же в прямом доносе на Николая Швеца и диакона Бондаренко (которого Семенов видел один раз в 1944 г.) представляется не соответствующим действительности⁴⁰.

Дискуссионным остается вопрос о том, читал ли отец Николай за богослужением антигерманские воззвания митрополита, а впоследствии патриарха, Сергия (Страгородского). Как и епископ Викентий (Никипорчик), Швец принадлежал к обновленцам, в связи с чем на момент захвата немцами Крыма почувствовал себя в достаточно некомфортной «юрисдикционной» ситуации. Ссылаться же на протоколы допроса А. Д. Семенова здесь надо с большой осторожностью. Первоначально, на допросе 23 августа 1944 г., он сообщил более вероятную версию: Швец зачитывал обращение лидера обновленческой церкви Александра (Введенского), к юрисдикции которого принадлежал, а не митрополита Сергия (Страгородского)⁴¹. Приведенный же Б. Г. Берлином и М. Н. Шульженко протокол от 26 сентября 1944 г. представляет собой всего лишь один лист бумаги, из которого ясно, что начальник спецотдела Народного комиссариата государственной безопасности Крыма майор госбезопасности В. Раскольников допрашивал Александра Дмитриевича три часа, в результате чего добился признания в том, что Семенов противодействовал патриотической позиции Швеца, а сам Швец оглашал патриотическое воззвание главы Московской патриархии с амвона⁴².

Прямого противодействия деятельности священника-обновленца со стороны других священников не было, многие знали, что он крестит евреев.

Однако как только этот факт вскрылся, местная русская администрация не встала на его защиту. Священник Николай Шве́ц был арестован немцами в самом начале 1942 г. и впоследствии из немецких застенков выбраться ему не удалось⁴³.

Остальные же представители православного духовенства Крыма (*третья группа*) в годы войны оставались над схваткой: они не принимали непосредственного участия в деятельности организованных нацистами органов управления, сторонились резких антисоветских проповедей, сбора средств в поддержку вермахта или же местных вооруженных формирований, однако не благоволили и просоветскому сопротивлению, не нарушая видимого лояльного отношения к установившемуся на полуострове оккупационному режиму. Отношение нацистов к ним было таким же лояльным, не последовали репрессии по отношению к этой группе духовенства и после возвращения в Крым советской власти. Некоторые представители этой группы таврического священства возвысились в послевоенные годы, когда церковную кафедру занимал известный церковный и общественный деятель, гнойный хирург архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий). Так, симферопольский священник Иоанн Милославов, всю оккупацию находившийся на территории Крымского полуострова и выступавший в годы оккупации с проповедями по радио⁴⁴, в послевоенные годы занял должность секретаря архиепископа Луки, благочинного православных приходов Симферополя, и фактически стал послом во взаимоотношениях между своенравным и независимым главой епархии и уполномоченным по делам РПЦ в Крыму Яковом Ждановым, поначалу очень скептически настроенным к Православной церкви⁴⁵. Своего рода пересмотр отношения к крымскому православному духовенству со стороны советских властей произойдет позже. В 1949–1951 гг. на фоне изменения государственной политики по отношению к Московской патриархии изменился и настрой местных властей к православному духовенству полуострова. Как и повсеместно в Советском Союзе, в первую очередь под огонь репрессий и прещений попадут пастыри, находившиеся на временно оккупированной территории (и не попавшие под аресты 1944–1946 гг.)⁴⁶.

Подводя итоги, отметим основные факторы, определившие отношение православного духовенства Крыма к нацистской оккупации:

1) юрисдикционная принадлежность в довоенное время и в первые месяцы войны; в 1920-е — первой половине 1930-х гг. отношение властей к различным ветвям обновленчества, в особенности на территории Украины и Юга России, было более лояльным по сравнению с отношением к сергианам. Обновленческое духовенство проявляло большую лояльность к советской власти, благодаря чему сохранило храмы на некоторых территориях СССР. Приход немцев был негативно воспринят крымскими обновленцами, да и оккупанты с недоверием отнеслись к «пробольшевистской» церкви. В результате самыми видными противниками установившегося оккупационного режима стали епископ Викентий (Никипорчик) и священник Николай Шве́ц, принадлежавшие именно к обновленческой иерархии;

2) отбывание срока в советских лагерях, довоенные аресты, жизнь на нелегальном положении; чаще всего чем больше священнику приходилось скры-

вать свое происхождение и сан, чем больше он пострадал от советских властей за двадцатичетырехлетний период большевистского властвования, тем больше надежд он возлагал на новый режим. Именно поэтому наиболее лояльными к новой власти священниками, принимавшими непосредственное участие в пропагандистских кампаниях немцев и служившими в организованных ими органах управления церковью, стали пастыри Ковальский, Желтиков, Василькиоти, Попов и др.;

3) желание восстановить каноничную структуру управления православными приходами Крыма; руководство православными приходами Крыма в лице А. Д. Семенова и священника Евгения Ковальского понимало всю неоднозначность ситуации с каноничностью занимаемых ими постов. Поэтому они пытались восстановить каноничную структуру управления приходами полуострова, обратившись к авторитету РПЦЗ и УПЦ в противовес обновленцам;

4) особенности личной биографии; так, семитофильские действия епископа Викентия (Никипорчика) были обусловлены его личным происхождением и боязнью за собственную семью.

Таким образом, православное духовенство Тавриды в годы нацистской оккупации не преследовало сугубо личных целей, целей наживы и заботилось в первую очередь о спасении своей паствы, зачастую занимая диаметрально противоположные политико-идеологические позиции.

¹ См. об этом: *Калиновский В. В., Пученков А. С.* Беспокойный март владыки Дмитрия (Абашидзе): православное духовенство Крыма после победы Февральской революции // *Российская история*. 2018. № 6. С. 162–168.

² См. об этом: *Петров И. В.* Органы управления религиозной жизнью Крыма в период нацистской оккупации // *Актуальные вопросы современного богословия и церковной науки: материалы VIII междунар. науч.-богословской конф. С.-Петербург. Духовной акад. СПб.*, 2017. С. 271.

³ Архив Главного управления ФСБ по Республике Крым и городу Севастополю (далее — АГУФСБ по РК и С). Д. 8152. Т. 1. Дело Семенова А. Д. Дело Е. А. Ковальского. Л. 152–153 об.

⁴ Там же. Л. 154 об.–155.

⁵ Там же. Л. 34.

⁶ Там же. Л. 69–70.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Л. 162 об.

⁹ Там же. Л. 191.

¹⁰ Там же. Л. 180–183.

¹¹ Там же. Л. 171–172.

¹² Там же. Л. 134–134 об.

¹³ Там же. Т. 2. Дело С. Н. Желтикова. Л. 12.

¹⁴ Там же. Л. 12 об.

¹⁵ Там же. Л. 13.

¹⁶ Там же. Л. 13–14.

¹⁷ Там же. Л. 1–1 об.

¹⁸ Там же. Л. 33.

¹⁹ Там же. Л. 97 об.–98.

²⁰ Там же. Л. 46.

²¹ Там же. Т. 1. Л. 52–53.

²² См. об этом: *Катушин Ю. А.* Русская православная церковь в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.). Симферополь, 1999. С. 88–89.

²³ См. об этом: Крымская епархия в документах святителя Луки (Войно-Ясенецкого) и надзирающих органов. 1946–1961 гг.: сб. док. / сост. Н. Доненко, Р. А. Замтарадзе, С. Б. Филимонов. Симферополь, 2015. С. 778–779.

²⁴ АГУФСБ по РК и С. Д. 8152. Т. 1. Л. 80.

²⁵ *Петров И. В.* Между праведным делом спасения евреев и предвоенным отступничеством: к вопросу об особенностях деятельности просоветски настроенного православного духовенства в годы Второй мировой войны на примере епископа Викентия (Никифорчика) // Сретенские чтения: мат-лы XXIII науч.-богословской конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. М., 2017. С. 188–193.

²⁶ *Лавринов В.* Обновленческий раскол в портретах его деятелей. М., 2016. С. 167–168.

²⁷ Там же. С. 167.

²⁸ См. об этом: *Шишкин Е. Н.* Русская православная церковь на оккупированных территориях Кавказа в августе 1942 — феврале 1943 гг. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2014. Сер. II. Вып. 6 (61). С. 113–127.

²⁹ АГУФСБ по РК и С. Д. 8152. Т. 1. Л. 38.

³⁰ См. об этом: *Катуни Ю. А.* Крымское митрополитанское церковное управление // Культура народов Причерноморья. 1998. № 8. С. 49–65.

³¹ АГУФСБ по РК и С. Д. 8152. Т. 1. Л. 172.

³² *Петров И. В.* Между праведным делом... С. 192.

³³ *Берлин Б. Г., Шульженко М. Н.* Эпизод войны. Деятельность православных священников Крыма по спасению иудейского населения // Крымский архив. 2015. № 4 (19). С. 46.

³⁴ Там же. С. 39–48.

³⁵ Там же. С. 42–43.

³⁶ Там же. С. 43.

³⁷ АГУФСБ по РК и С. Д. 8152. Т. 1. Л. 74 об.–75.

³⁸ Там же. Л. 75.

³⁹ Там же. Л. 74–76.

⁴⁰ Там же. Л. 75 об.

⁴¹ Там же. Л. 26 об.–27.

⁴² Там же. Л. 96–96 об.

⁴³ *Берлин Б. Г., Шульженко М. Н.* Эпизод войны. С. 44.

⁴⁴ АГУФСБ по РК и С. Д. 8152. Т. 1. Л. 55.

⁴⁵ См. об этом: *Petrov I. V.* The Orthodox Church and the Totalitarian regime in post-war Crimea. A Survival strategy of Archbishops Joasaph (Zhurmanov) and Luka (Voyno-Yasenetsky) // Religiski-Filosofski Raksti. 2017. No. 1 (23). P. 106–120.

⁴⁶ Ibid.

Статья поступила в редакцию 14 августа 2018 г.

Рекомендована в печать 18 февраля 2019 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Петров И. В. Политические настроения православного духовенства Крыма в период нацистской оккупации // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 2. С. 375–388. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.205>
УДК 86. 372. 24-3

Аннотация: Православное духовенство Крыма в период нацистской оккупации не осталось единым в вопросе своих политических взглядов и отношения к немецким захватчикам. Практически сразу на территории полуострова появились активные сторонники нового режима, вошедшие в структуру управления религиозной жизнью Крыма. Однако, помимо своекорыстных целей, этими людьми двигало желание восстановить каноническое единство местных приходов, начать деятельный процесс религиозного возрождения и противодействовать обновленцам. На другом фланге оказались те священнослужители, которые, наоборот, принадлежали к обновленческой ориентации, тяготели к просоветским

воззрениям и не смогли встроиться в новую плоскость церковно-государственных отношений. Главной задачей для себя они определили спасение евреев от холокоста, за что впоследствии и пострадали. Большинство же священников заняло выжидательную позицию и дистанцировалось как от активной поддержки оккупантов, так и от пронацистской агитации и пропаганды. Ключевыми моментами в процессе определения позиции лояльности того или иного представителя Православной церкви по отношению к оккупационной администрации или противодействия ей стали следующие факторы: национальное происхождение, юрисдикционная принадлежность, репрессии со стороны советских властей в межвоенный период. Социальное происхождение, а также возраст роли в этом деле не играли. После окончания оккупации представители лояльной нацистам группы священников были арестованы или же эвакуировались вместе с немцами на Запад. Самые активные просоветские представители духовенства оккупацию не пережили. Духовные лица, отнесенные к «нейтральной группе», достаточно спокойно восприняли смену власти, которая не оказывала влияния на них до конца 1940-х гг.

Ключевые слова: Русская православная церковь, Крым, нацистская оккупация, Великая Отечественная война, обновленческий раскол, Шоа.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 18-78-00048 «Служение русского православного пастырства на временно оккупированных районах РСФСР в 1941–1944 гг.».

Сведения об авторе: Петров И. В. — канд. ист. наук, асс., Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); i.petrov@spbu.ru

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, Санкт-Петербург, 199034, Университетская наб., 7–9

FOR CITATION

Petrov I. V. 'The Political Mood of Orthodox Clergy in Crimea during the Nazi Occupation', *Modern History of Russia*, vol. 9, no. 2, 2019, pp. 375–388.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.205>

Abstract: During the Nazi occupation the Orthodox clergy in Crimea did not remain united in their political views and attitude towards the German invaders. Almost immediately, there were many active supporters of the new regime on the peninsula, including some in the political structures of religious lifethere. At the same time, those clergymen who belonged to the Renovationist orientation had pro-Soviet views and could not integrate into the new church-state relations. They identified their main task as saving Jews from the Holocaust, for which many subsequently suffered. Most priests took a cautious and distant position vis-à-vis the invaders and pro-Nazi agitation and propaganda. The main factors in determining loyalty / or opposition relation to the occupation were: national origin, jurisdiction, and experience of repression by the Soviet authorities in the interwar period. Social origin and age did not play a role. After the end of the occupation, representatives of a group of priests loyal to the Nazis were arrested or evacuated with the Germans. The most active pro-Soviet representatives of the clergy did not survive the occupation. The clergy, referred to as the "neutral group," rather calmly perceived the change of power, which had not affected them until the end of the 1940s.

Keywords: Russian Orthodox Church, Crimea, Nazi occupation, Great Patriotic War, Renovationism, Evgeniy Kovalskiy, A. D. Semenov, Nikolay Shvets, Stefan Zheltikov.

This research was supported by the "Russian Science Foundation", project no. 18-78-00048 "Orthodox clergy on the Occupied areas of the RSFSR in 1941–1944".

Author: Petrov I. V. — PhD, Assistant, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); i.petrov@spbu.ru
 St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

References:

Berlin B. G., Shulzhenko M. N. 'Epizod voyny. Deiatel' nost' pravoslavnykh sviashchennikov Kryma po spaseniui iudeiskogo naseleniia', *Krymskii arkhiv*, no. 4 (19), 2015.

- Kalinovskiy V. V., Puchenkov A. S. 'Bespokoinyi mart vладыki Dimitriia (Abashidze): pravoslavnoe dukhovenstvo Kryma posle pobedy Fevral'skoi revoliutsii', *Rossiiskaia istoriia*, no. 6, 2018.
- Katunin Yu. A. 'Krymskoe mitropolitanskoie tserkovnoie upravlenie', *Kul'tura narodov Prichernomor'ia*, no. 8, 1998.
- Katunin Yu. A. *Russkaia pravoslavnaia tserkov' v gody Vtoroi mirovoi voiny (1939–1945 gg.)* (Simferopol, 1999).
- Krymskaia eparkhiia v dokumentakh sviatitelia Luki (Voino-lasenetskogo) i nadziraiushchikh organov. 1946–1961 gg.: sb. dok.*, comp. N. Donenko, R. A. Zamtaradze, S. B. Filimonov (Simferopol, 2015).
- Lavrinov V. *Obnovlencheskii raskol v portretakh ego deiatelei* (Moscow, 2016).
- Petrov I. V. 'Mezhdu pravednym delom spaseniia evreev i predvoennym otstupnichestvom: k voprosu ob osobennostiakh deiatei'nosti prosovetski nastroennogo pravoslavnogo dukhovenstva v gody Vtoroi mirovoi voiny na primere episkopa Vikentiia (Nikiporchika)', *Sretenskie chteniia: mat-ly XXIII nauch.-bogoslavskoi konf. studentov, aspirantov i molodykh uchenykh* (Moscow, 2017).
- Petrov I. V. 'Organy upravleniia religioznoi zhizn'iu Kryma v period natsistskoi okkupatsii', *Aktual'nye voprosy sovremennogo bogosloviia i tserkovnoi nauki: mat-ly VIII mezhdunar. nauch.-bogoslavskoi konf. S.-Peterb. Dukhovnoi akad.* (St. Petersburg, 2017).
- Petrov I. V. 'The Orthodox Church and the Totalitarian regime in post-war Crimea. A Survival strategy of Archbishops Joasaph (Zhurmanov) and Luka (Voyno-Yasenetsky)', *Religiski-Filosofski Raksti*, no. 1 (23), 2017.
- Shishkin E. N. 'Russkaia pravoslavnaia tserkov'' na okkupirovannykh territoriakh Kavkaza v avguste 1942 — fevrale 1943 gg.', *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*, Ser. II, Iss. 6 (61), 2014.

Received: August 14, 2018

Accepted: February 18, 2019